

На правах рукописи

Головашина Оксана Владимировна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ:
ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД**

09.00.01 – онтология и теория познания

09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Тамбов – 2020

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Научный консультант –

доктор философских наук, профессор
Сыров Василий Николаевич.

Официальные оппоненты:

Труфанова Елена Олеговна, доктор философских наук, доцент, ИФ РАН, ведущий научный сотрудник сектора теории познания;

Останина Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «ВятГУ», профессор кафедры культурологии, социологии и философии;

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», заведующий кафедрой философии.

Ведущая организация –

Московский государственный лингвистический университет.

Защита состоится на заседании диссертационного совета Д 212.029.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Волгоградском государственном университете 11 июня 2020 г. в 11.00 по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 4-01 А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета и на официальном сайте университета <http://www.volsu.ru>.

Автореферат разослан

«___» _____ 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Виктория Анатольевна Храпова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Большинство философов, начиная от Августина, констатировали сложность создания непротиворечивой концепции времени. В современном мире потребность в этом усиливается, так как ускорение и нелинейность протекающих процессов приводит к повышению интереса к темпоральным аспектам, определению их места в современной реальности (независимо от того, какие коннотации связаны с этим словом). Изменения трактуются как более фундаментальные, чем стабильные структуры, поэтому время все чаще выступает в качестве объясняющего, а не объясняемого фактора. Следствием этой ситуации оказывается размывание содержания данного понятия, его перегруженность различными значениями.

Один из авторитетных вариантов концептуализации времени предложили интенсивно развивающиеся естественные науки, которые интегрировали время как объект исследования в собственное поле, обозначив его маленькой буквой в формуле, и философы уже в начале XX века были поставлены перед необходимостью реконструкции концепции темпоральности в связи с новыми открытиями физиков. Отказ от соответствующей привычным естественнонаучным представлениям «стрелы времени» и осмысление современных естественнонаучных достижений приводит к необходимости создания нового языка описания, отражающего социокультурную трансформацию современности, и новой концепции, интегрирующей последние философские идеи. Поэтому в новых онтологиях от Э. Гуссерля до современных исследователей время стало занимать более важное место, чем в работах прежних эпох. Представление о времени как об априорной категории (И. Кант) или просто констатация времени как меры движения (Аристотель) оказывались уже недостаточными для осмысления современных темпоральных процессов, а длительность А. Бергсона – одна из первых систем темпоральности в неклассической философии – не давала ответы на постоянно возникающие, в том числе благодаря физикам, вопросы. Еще в 1967 году один из самых цитируемых современных американских философов Х.

Патнэмутверждал (в работе «Время и физическая геометрия»), что все философские вопросы о времени были решены, но не в философии, а в постфизике (в специальной теории относительности Эйнштейна).

Можно согласиться с выводами Патнэма применительно к трактовкам физического времени, однако исследования социальной темпоральности, которые остаются за пределами внимания естественных наук, сохраняют свою актуальность. Социальное время связано с физическим, но тем не менее представляет собой отдельный феномен, нуждающийся в осмыслении с учетом новых философских идей. Взгляды Бергсона во многом стали отправной точкой современной философии времени, в которой темпоральность рассматривается без прямой связи с пространством, несмотря на определенное противоречие этой позиции открытиям ученых-естествоиспытателей. После М. Хайдеггера, настаивающего на приоритете времени бытия человека над физическим временем, актуальность исследования нефизической темпоральности уже не требует дополнительных доказательств. Однако, осмысляя основания темпоральности в экзистенции, Хайдеггер не ставил задачу концептуализировать социальное время, а работы современных социологов раскрывают только отдельные аспекты проявления времени.

Необходимость нового осмысления социальной темпоральности усилилась после победившей критики метанарративов, к которой призывал Ф. Лиотар. Конечно, «большие повествования» связаны с определенными проблемами, успешно проанализированными постмодернистами, однако именно они на протяжении столетий структурировали социальное время и определяли его. «Недоверие к метанарративам» приводит к плюрализму повествований, структур, интерпретаций. В этой ситуации концептуализация социального времени становится еще более затрудненной, так как деконструированы основания, на которых она строилась раньше.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется, с одной стороны, необходимостью осмысления современной темпоральной ситуации, нового «темпорального режима» (А. Ассман), с другой – теоретико-

методологическими сложностями исследования социального времени в условиях дискредитации прежних онтологических схем и потребностями современной философии в новой концепции социального времени.

Степень изученности проблемы. Долгое время философия развивалась как прежде всего разговор о вечном, а не временном, поэтому исследователи осмыслили процессы и феномены, независимые от изменений в мире. Таким образом, время трактовалось в философских системах как «подвижный образ вечности» (Платон), осмыслялось через движение и число (Аристотель), как подражание вечности, связанное с жизнью души (Плотин). Распространение христианства приводит к появлению понятия «историческое время», которое определялось бытием человека как творения Бога. Такой подход можно трактовать в качестве начала концептуализации нефизической темпоральности через осмысление темпоральных аспектов воспринимаемой человеком действительности (Августин, Фома Аквинский). С началом секуляризации эта идея заменяется представлением о времени как абсолютной длительности. Философия Нового времени сохранила связь с теологией, однако гносеологический оптимизм, необходимость выработки новой эпистемологической парадигмы заставляют разделять абсолютное время и его субъективное восприятие (например, у И. Ньютона). Успехи технических наук позволили придать категории времени геометрическую точность (Г. Галилей), но механицизм Нового времени привел к отождествлению темпоральности с тем, что показывают точные часы. Однако Р. Декарт предлагает другую точку зрения, представив время в качестве модуса духовной (мыслящей) субстанции. В дальнейшем это понимание получит определенное распространение в западной традиции в качестве философской основы осмысления времени человека и коллективов. Его следствием является повышение интереса к психологическим аспектам времени (Дж. Локк), отрицание абсолютного времени (Дж. Беркли), определение времени через отношения (Г. Лейбниц).

У мыслителей XIX века интерес к психологическим аспектам темпоральности сменяется осмыслением времени как априорной категории,

связанной не с индивидуальным, а с трансцендентальным субъектом (И. Кант) или с «Я», которое заменяет субстанцию (Г. Фихте). Время сохраняет признаки фундаментальной онтологической категории, однако его значение уже не ограничивается космологией, а осмысливается в контексте других процессов. Например, у К. Маркса время участвует в создании стоимости; этот фактор оказывает влияние на функционирование экономической системы и, с точки зрения Маркса, вообще всей надстройки.

Разделение окружающего на мир природы и мир человека привело к выделению сферы социального как отдельного объекта изучения. Концептуализируя социальное, Э. Дюркгейм рассматривал время в качестве одной из категорий, содержание которой определяется отдельными аспектами социального сосуществования. Эта трактовка заставляет игнорировать все другие аспекты времени, кроме ритма, однако именно она заложила основы осмысления социального времени.

В философии XX века осмысление нефизической темпоральности оказывается одной из самых главных тем. В качестве причин можно назвать: а) кризис классической метафизики, рассматривающей мир как статичный, вечный; б) нуждающиеся в философском осмыслении успехи естественных наук, предлагающие новую картину мира, в которой время, с одной стороны, нивелируется до одной из единиц измерения, но, с другой – повышается значение таких категорий, как «изменчивость», «развитие»; в) социальные трансформации, поставившие под сомнение адекватность прежних описаний социальной реальности. Сама жизнь у А. Бергсона осмысливается через длительность, а время создается через «*Durée*» – появление нового. Феноменология Э. Гуссерля стала авторитетным методом в философии и выступила толчком для многочисленных исследований общества как «жизненного мира». А.Н. Уайтхед, соглашаясь с интерпретацией времени в естественных науках, при этом предлагает его объяснение исходя из человеческого опыта и восприятия. Оставляя физикам понимание природного времени, философы описывают время человека. Это *Dasein* у М. Хайдеггера,

темпоральность существования в экзистенциализме, Хронос Ж. Делеза как наполненное событиями историческое время, осознаваемое и понимаемое человеком. В современных философских работах в центре оказываются проблемы ускорения времен (Фр. Джеймисон), множественность темпоральности (Ж.-Л. Нанси).

Что касается отечественной традиции исследования социального времени, то она имеет определенную специфику, вызванную особенностями развития гуманитарного знания в России и Советском Союзе.

Одним из первых исследователей социального времени в России стал И.Н. Дьяков, который, опираясь на ранние переводы А. Бергсона, предлагал отказаться от представлений об абсолютном времени в пользу анализа времени с позиции активной деятельности человека. Эту же линию продолжает В.Н. Муравьев, связывающий время с жизнью человека и человечества.

Социальное время как определенное понятие со своим относительно специфическим объемом вошло в отечественную науку в 60-е гг. XX века, хотя исследования данной темы начались еще в 1920-е гг. с обследования бюджетов времени. Однако перед учеными первых лет советской власти не стояла задача создания непротиворечивой теоретической концепции социальной темпоральности, так как в целом советские философы придерживались довольно однозначного взгляда на время, считая его «мерой движения», («форма последовательного существования вещей и событий», как отметил А.Ф.Аскин) поэтому анализ каких-либо других трактовок осуществлялся только в рамках «критики буржуазных теорий». В дальнейшем собственные эмпирические исследования и опора на диалектический материализм позволили предложить несколько оригинальных трактовок социального времени. Например, Г.П. Орлов, как и И.Н. Дьяков раньше, связывал темпоральность с деятельностью человека. Социальное время, с его точки зрения, является условием существования общественных отношений. Г.Е. Зборовский считал, что социальное время – это одна из форм общественного бытия, и в этом статусе оно выступает в качестве условия исторического развития

человеческой деятельности. Однако в большинстве крупных работ, связанных с изучением взглядов на проблему времени, анализировались только естественнонаучные основы, а не представления о социальной темпоральности. Это продолжается в современных публикациях, авторы которых пытаются интегрировать последние научные открытия в сложившиеся философские взгляды на время (В.П. Аксенов, Н. В. Головкин, А.Е. Клименкова).

Если у современных отечественных социологов концепт «социальное время» достаточно проработан с учетом специфики дисциплины (А.А. Давыдов, И.М. Попова, Т.А. Нестих и др.), в философских публикациях зачастую сохраняется диалектический подход (в работах А.С. Чупрасова, Г.К. Эзри), материалистическая трактовка социального времени (М.А. Беляев). Отдельные авторы доказывают онтологичность социальной темпоральности (Е.А. Пилипенко), исследуют способы и модели восприятия времени (в работах О.Ю. Матвеевой, И.В. Мелик-Гайказян, Ю.В. Бушова). Кроме того, развивается философское обоснование естественно-научного подхода к темпоральности, в том числе с учетом синергетики (в работах А.Л. Алюшина, Е.Н. Князевой). Однако необходимо констатировать малое число публикаций, в которых концептуализация социальной темпоральности была бы обоснована с учетом достижений современной философии.

Термин «социальное время» получил распространение в социологическом дискурсе, при этом социологи, как правило, избегают его концептуализации. Время в их работах выступает в качестве объясняющего, а не объясняемого понятия. Хотя некоторые выводы социологов, например, трактовка темпоральной координации как определяющего атрибута социального (А. Шюц), «принудительность» темпоральной структуры повседневности (П. Бергер и Т. Лукман), возможность использования социального времени как методологического инструмента (П. Сорокин и Р. Мертон), связь темпоральности повседневной жизни человека, темпоральных аспектов его экзистенции с циклами функционирования социальных

институтов (Э. Гидденс) могут быть также использованы в философских исследованиях.

Тема времени получила достаточно широкое распространение в работах историков (Ф. Бродель, Р. Коззлек, И. Савельева, Р. Фокс, М. Перкинс). Представители этой дисциплины преимущественно акцентируют внимание на переживании времени в конкретные исторические эпохи, описывают темпоральные аспекты исторических процессов. Некоторые выводы историков, а также их анализ источниковедческого материала представляют интерес для философского исследования социальной темпоральности.

Важными для философского изучения времени являются также работы социальных и культурных антропологов, которые исследуют влияние темпоральных факторов на отдельные сообщества (или сообществ, индивидов на социальную темпоральность). Довольно распространенными идеями в современной антропологии оказываются исследования опредмечивания времени техникой (К. Берт) и структурирующей роли социальной темпоральности и политики времени (Б. Бевернаж, Й. Фабиан).

Таким образом, несмотря на долгую историю изучения социального времени, в специальной литературе еще практически не исследованными оказываются проблемы и способы измерения социального времени; недостаточно коцептуализирована современная темпоральная ситуация; понимание некоторых распространенных аспектов социальной темпоральности, несмотря на подробный анализ отдельных ее проявлений, носит разрозненный, иногда противоречивый характер. Исследователи сравнительно мало внимания уделяют выявлению онтологических основ социальной темпоральности, концептуализации социальной темпоральности в целом. На наш взгляд, эти пробелы в исследовании некоторых аспектов социальной темпоральности позволяет восполнить объектно-ориентированный подход.

Объектом исследования является социальная темпоральность.

Предмет исследования – объектно-ориентированный подход к осмыслению социальной темпоральности и его значение в концептуализации социальной темпоральности.

Цель – создание концепции социального времени, основанной на применении объектно-ориентированного подхода, и демонстрация ее эвристичности в интерпретации таких социальных явлений и процессов, как ускорение, модернизация, политика памяти и коммеморативные практики.

Эффективная реализация поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1) на основании анализа исследовательской литературы определить достижения и основные сложности в исследовании социальной темпоральности, осуществить критический анализ основных подходов (конструктивизм, реализм) к изучению социальной темпоральности;

2) обосновать трактовку социального времени как интеробъективного феномена;

3) выявить сущностные черты и специфику объектно-ориентированного подхода;

4) определить потенциал объектно-ориентированного подхода в исследованиях социальной темпоральности;

5) осуществить анализ возможностей применения объектно-ориентированного подхода к выявлению атрибутов социальной темпоральности.

6) определить способы измерения социальной темпоральности с позиции объектно-ориентированного подхода.

7) предпринять анализ эвристических возможностей объектно-ориентированного подхода к осмыслению темпоральных аспектов отдельных социальных процессов и явлений, таких как модернизация, современность, политика памяти, ускорение социальной динамики, исследование коммеморативных практик.

Теоретико-методологические основы. Цель и задачи диссертационного исследования диктуют необходимость обращения к целому комплексу философских методов, приемов, апробированных в рамках различных философских направлений и школ, представленных в работах отдельных авторов.

Для анализа и концептуализации объектно-ориентированного подхода, его обоснования использовались идеи Г. Хармана: признание реализма как методологической рамки исследований, отказ от онтологического холизма, ценность эстетики, возврат к целостности объекта и окружающей действительности как мира объектов, а также ряда теоретиков, в онтологиях которых объекты занимают центральное место (Л. Брайант, с некоторыми оговорками Б. Латур, М. Деланда, К. Кнорр-Цетина).

Обоснование социальной темпоральности как интеробъективного феномена опирается на идеи Б. Латура, выдвинутые в работе «Об интеробъективности», где он обосновывает конституирующее значение предметов материальной культуры для формирования поля социальных взаимодействий.

Выявление атрибутов современной социальной темпоральности опирается на идеи Б. Латура и Д. Ло, постулируемые ими в рамках «поворота к материальному», произошедшего в 1980–1990-х гг. XX века. В диссертационном исследовании мы будем исходить из развиваемого ими и их последователями (А. Мол, В. Синглтон, Н. Альбертсен) утверждения о необходимости учитывать представления о материальном объекте как активном участнике любых социальных актов и взаимодействий для адекватного исследования любых аспектов социального, социальных процессов, явлений и т.д. Возможность исследования социальной темпоральности на основаниях, отличных от используемых в классической метафизике, опирается на работы М. Фуко, Ф. Лиотара, Ж. Делеза, развивающих критику холизма.

Для выявления возможностей измерения социального времени используется понятие порядка в интерпретации И. Гофмана, в соответствии с

которым порядок представляет собой определенную связь элементов, которая носит более тесный характер, чем с элементами за пределами порядка. Условия, делающие измерение социального времени возможным, описаны в трудах Н. Лумана. Характеристика и осмысление способов измерения социального времени опирается на выводы исследователей как отдельных социальных явлений, процессов – особенно в сфере истории (Р. Козеллек, Ф. Артог) – так и философов, разрабатывающих или переосмысляющих концепты, которые в данной работе маркируются в качестве способов измерения темпоральности (А. Бадью, Ж. Делез).

При осмыслении отдельных аспектов социальной темпоральности используются две трактовки современности: современность как обозначение определенного периода, связанного с наиболее ярким проявлением Модерна (modern), и современный как то, что совпадает с нашим временем, временем, в котором мы живем (contemporary). Первая обосновывается через работы Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса, Б. Латура, вторая – с опорой на труды М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Агамбена, П. Осборна. Применение объектно-ориентированного подхода к современным коммеморативным практикам опирается на исследования П. Нора, А. Ассман, Дж. Олика, подчеркивающих динамичные аспекты памяти и зависимость коммеморативных практик от различных социальных факторов; для осмысления политики памяти использовались некоторые выводы М. Хальбвакса, Ф. Артога о социальных рамках памяти и «порядках времени», исследование ускорения как определяющей характеристики современной темпоральности связано с работами Г. Люббе, Г. Харви об изменении статуса настоящего.

Положения, выносимые на защиту:

1. Время может выступать не частью космологии, а в качестве одного из акторов в социальных взаимодействиях, что позволяет сконцентрировать внимание на конституирующем потенциале социальной темпоральности. Среди сложностей изучения социальной темпоральности необходимо выделить:

- а) слабое внимание к онтологическим основаниям темпоральности;

б) размытость предметного поля исследований времени; в) невозможность фундаментальных выводов по поводу социальной темпоральности вследствие первых двух сложностей; г) невозможность осмысления детерминирующей и конструирующей роли самого времени; д) концептуализация темпоральности оказывается за пределами исследования какой-либо конкретной социальной практики. Реализм как направление исследования социальной темпоральности предлагает использовать время в качестве одного из фундаментальных онтологических оснований, что не позволяет выработать независимую от него исследовательскую оптику, требует переосмысления всей онтологической системы и затрудняет выделение социальной темпоральности в качестве отдельного объекта исследований.

2. Специфика объектно-ориентированного подхода заключается в признании объектов как фундаментального онтологического основания, их агентности, что позволяет обосновать интеробъективность в качестве основы социального и социальной темпоральности в частности. Интеробъективность выступает в качестве основания для того, чтобы рассматривать время с позиции объектно-ориентированного подхода, постулирует конституирующее значение различных объектов для конструирования социального, что расширяет возможности осмысления социального времени с учетом не только людей, но и материальных и нематериальных предметов, способствуя таким образом увеличению эвристического потенциала теории социальной темпоральности.

3. Объектно-ориентированный подход исключает любые формы редукции объектов к чему-либо, признание «демократии объектов», переключение внимания с дуализма природы-культуры на исследования мира в рамках одной плоскости. В процессе оформления новой онтологии вещи (объекты) занимают приоритетное место, а субъект, несмотря на принадлежащее только ему авторство смыслов, должен сохранять пассивность, если претендует на объективность. Такой подход позволяет преодолеть корреляционизм и нивелировать возможные искажения, вызванные человеческим мышлением, а стирание границ между человеком и не-человеком

соответствует необходимости осмысления новой роли объекта в современном мире.

4. Признание агентности объектов способствует преодолению распространенной в социальном конструктивизме абсолютизации взгляда наблюдателя в понимании социального времени, позволяет сохранить эвристическую ценность этой категории. Такая трактовка статуса объектов предполагает наличие некоей множественности событий, которые отсылают одно к другому без линейной каузальности. Контингентность заменяет предсказуемость в определении социальных практик. Возрастающее количество объектов способствует увеличению синхронности и оказывается причиной множественности времени. В соответствии с предлагаемой интерпретацией объектно-ориентированного подхода ключевой категорией становится различие, необходимое для того, чтобы обозначить прошлое, настоящее и будущее, которые в условиях отказа от линейного времени теряют привычную определенность.

5. Объектно-ориентированный подход позволяет рассмотреть атрибуты социальной темпоральности с учетом человеческих и нечеловеческих, материальных и нематериальных объектов, их агентности, что открывает возможность исследования темпоральных аспектов социальной реальности с позиции фундаментальных онтологических оснований. Принципиальная нелинейность современной темпоральности позволяет определить ее как время Мебиуса, в котором привычные в классической онтологии атрибуты времени смешиваются из-за роста объектов и их агентности. Множественность объектов конституирует множественность (ризомность) социального времени.

6. Объектно-ориентированный подход открывает возможности для измерения социального времени, которое с позиции данного подхода трактуется как способ упорядоченности объектов, обеспечивающий возможности осмысления социальной динамики и, таким образом, представляет собой способ его дефиниции и преодоления хаотичности опыта.

Специфика измерения социального времени заключается в способности объектов обеспечивать организацию темпоральности; осмысление этого процесса позволяет через измерение говорить о структуризации социальной темпоральности и синхронизации ритмов сообщества. Способами измерения социального времени являются: а) история, которая трактуется в качестве присвоения опыта прошлого и его структуризации через рамки, задаваемые историографией; б) событие, которое благодаря своей неисчерпанности приводит к изменению направления темпоральности; в) кризис как остановка, пауза вследствие ризомности времени.

7. Объектно-ориентированный подход открывает возможности для осмысления и описания темпоральных аспектов социальных процессов с позиции фундаментальных онтологических оснований, преодолевая таким образом проблемы с их концептуализацией и размытость предметного поля. Причиной нового темпорального режима, заменившего линейный нарратив Модерна, стал постоянный рост и изменение объектов, которые привели к новым практикам, а затем – и к новым социальным условиям. Современность представляет собой уникальную эпоху, отличную от прежних из-за кардинально другой рефлексии, возникшей как следствие включения объектов в процессы идентификации. Изменение статуса объектов приводит также к опредмечиванию памяти, однако онтологическая равнозначность любых объектов затрудняет синхронизацию «порядков времени» в условиях множественной темпоральности, что обуславливает особенности современной политики памяти и коммеморативных практик: отсутствие долговременных стратегий, конкуренция различных акторов, превращение прошлого в символический ресурс.

Научная новизна исследования.

1. Выявлены сложности современной концептуализации социальной темпоральности: необходимость формирования нового языка описания, размытость предметного поля, недостаточное внимание к онтологическим основаниям исследований.

2. Предложена интерпретация социального времени как интеробъективного феномена.

3. Произведена концептуация объектно-ориентированного подхода, проанализированы его истоки, показан эвристический потенциал.

4. Представлено осмысление объектно-ориентированного подхода и его потенциала для исследования социальной темпоральности. Впервые представлена объектно-ориентированная трактовка социальной темпоральности.

5. С позиции объектно-ориентированного подхода выявлены основные атрибуты современной социальной темпоральности: инверсия времени, изменение статуса настоящего, будущего, прошедшего времени, множественность времен, определяемая множественностью объектов.

6. Впервые предложены способы решения проблем, связанных с измерением социального времени (релятивизм измерения, отсутствие прямой связи с какими-либо физическими объектами, сложившиеся языковые конструкции, их оценочность) и определены эвристичные методы измерения социального времени.

7. Выявлены эвристические возможности объектно-ориентированного подхода через анализ проявлений современной социальной темпоральности: модернизация, политика памяти, ускорение социальной динамики, исследование различных коммеморативных практик.

Научно-теоретическая и практическая значимость. Выводы диссертационного исследования могут применяться при анализе темпоральных аспектов в различных социальных процессах. Они важны для решения философско-методологических вопросов, связанных с осмыслением социокультурных проблем современности, разработки стратегий описания темпоральной динамики. Обоснование и применение объектно-ориентированного подхода может в дальнейшем использоваться различными социальными теоретиками. Некоторые результаты исследования вносят свой вклад в понимание важнейших идей современных западных философов,

феноменологического метода, осмысления фундаментальных онтологических категорий. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии, теории познания и спецсеминаров по философии времени, социальному времени, социальной памяти, модернизации и т.д.

Апробация исследования. Различные аспекты, выводы диссертационной работы, результаты исследования были апробированы в рамках работы над проектами, поддержанными различными фондами (ФЦП «Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России», Президента РФ, РГНФ-РФФИ, РНФ), а также на международных научных конференциях, в том числе за рубежом, опубликованы в ведущих рецензируемых журналах.

Основные положения диссертации отражены в более чем 80 публикациях, в том числе в 4 монографиях (из них две монографии – коллективные); в 15 публикациях в журналах, входящих в список Web of Science/Scopus; в 27 публикациях в журналах, входящих в список ВАК РФ.

Результаты работы над диссертацией были апробированы на научных конференциях, конгрессах, школах (более 50 конференций), в том числе: VI, VII Российских философских конгрессах (2012, 2015 гг.), XI, XII Конгрессах антропологов (2015, 2017 гг.), ежегодных конференциях в г. Саратов, посвященных различным аспектам исторической памяти (2014 – 2018 гг., член оргкомитета), конференциях, связанных с изучением темпоральности в Самаре (2017 г.), Череповце (2018 г.) и др., а также на международных конференциях в Скопье (5–7 сентября 2013 года), Хельсинки (23–24 марта 2017 г.), Тарту (4–6 июня 2017 г.), Нови-Саде (14–16 апреля 2018 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяется степень ее теоретической разработанности, сформулированы

объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрыта теоретическая новизна, определены теоретико-методологические основы исследования, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе **«Истоки и фундамент концептуализации социальной темпоральности»** определяются достижения и основные сложности в изучении социальной темпоральности, критически осмысляются подходы к изучению социального времени, а также обосновывается социальная темпоральность в качестве интеробъективного феномена.

Первый параграф «Исследования социальной темпоральности: сложности и основные достижения» посвящен осмыслению опыта категоризации понятий, которые будут использоваться при изучении аспектов социальной темпоральности, а также истокам концептуализации социального времени.

Осмысление времени в философии Античности, Средних Веков, раннего Нового времени заложили основы языка, который позже стал применяться при описании социальной темпоральности. Затем философы, социальные теоретики показали, что время может рассматриваться отдельно от пространства в качестве самостоятельного актора социального взаимодействия, социального порядка и т.д. В процессе изучения их идей было выявлено, что основными достижениями при исследовании социальной темпоральности являются: а) исследование времени в качестве одного из акторов социальных взаимодействий; б) характеристика конституирующего потенциала социальной темпоральности; в) несводимость социального времени к последовательности «теперь», «событий» и т.д. (М. Мерло-Понти); г) не отрицая важности пространства в социальном действии или организации и поддержании социального порядка, исследователи делают акцент на необходимости «взаимных перспектив» и темпоральной координации (А. Шюц), принудительности темпоральной структуры повседневного мира (П. Бергер, Т. Лукман) и др. Однако при изучении социальной темпоральности возникает и ряд сложностей: а) недостаточное внимание (или его отсутствие) к

онтологическим основам социального времени; б) размывание предметного поля исследований; в) распространение привычных модусов времени («прошлое», «настоящее», «будущее»), «стрелы времени», несмотря на несоответствие их прямого использования социальной реальности; г) время в большинстве концепций оказывается объясняющим социальную динамику, а не объясняемым понятием.

Во втором параграфе «Конструктивизм и реализм в исследовании социальной темпоральности» осуществляется критическое осмысление конструктивизма и реализма как подходов к исследованию времени.

С позиции конструктивизма, социальное время рассматривается как функция от различных социальных явлений, процессов или конструируется социальными системами вообще (Н. Луман). В зависимости от того, что имеют в виду исследователи под социальными явлениями/процессами, меняется само определение или отдельные аспекты социального времени; таким образом, сама темпоральность остается за пределами внимания исследователей. Поэтому зачастую вместо времени ученые описывают ритм (А. Лефевр), социальные ожидания (Н. Луман, Т. Парсонс), зависимость темпоральных аспектов от пола, возраста, рода занятий или любых социальных практик, или осмысление темпоральности заменяется исследованием отдельных событий, моментов. В некоторых случаях конструктивизм признает конституирующую роль социальной темпоральности (П. Бергер, Т. Лукман), однако в целом его постулаты мешают осмыслению социальной темпоральности как таковой, а не отдельных ее проявлений. Так как конструктивизм не предлагает убедительных методов исследования социальной темпоральности за пределами ее восприятия или проявления, проблема социального времени, таким образом, оказывается только эпистемологической, а не онтологической.

Реализм, предполагающий, что существует определенный феномен, который условно можно назвать временем (темпоральностью), был характерен для классических философских систем, которые связывали время с какой-либо признаваемой объективной субстанцией (материя, Бог и т.д.), или наделяли

само время субстанциональным статусом. Однако социальное время в этом случае не выделялось в качестве отдельной сферы исследований, соотношение социальной и физической темпоральности не прояснялось. Современный критический реализм (Р. Бхаскар, М. Арчер) позволяет сконцентрировать внимание на морфогенезе социальных акторов, последовательности агентов и структур и особенностях социальной динамики, однако настаивает на признании линейности и однонаправленности времени, а также отрицает идею множественности времен. Исследования реалистов позволили переосмыслить понятие субстанции, прояснить отдельные аспекты понятия «объект». Недостатки реализма связаны с эпистемологическими сложностями познания меняющейся реальности, неопределенности статуса социальной реальности. Необходимо сначала концептуализировать социальную реальность, затем рассмотреть, каким образом в рамках этой концептуализации можно говорить о социальном времени.

В третьем параграфе «Социальная темпоральность: от интерсубъективности к интеробъективности» обоснована возможность осмысления социального времени как интеробъективного феномена.

Интерсубъективность как основа взаимодействия и социального вообще в трактовке Э. Гуссерля, оказавшись фундаментальной категорией в определении «жизненного мира» у социальных конструктивистов, сменяется интеробъективностью как взаимодействием, включающим в себя не только «субъектов» – людей, но и все, находящиеся в сети. Истоки концепции интеробъективности были заложены еще в публикациях Б. Латура, М. Каллона, а затем были творчески переосмыслены представителями объект-центричной социологии и объектно-ориентированной онтологии. Невозможно говорить о социальном, не включая в это понятие разнообразные объекты, следовательно, социальное время может быть определено только через интеробъективность. В диссертации интеробъективность означает, что различные объекты, независимо от их онтологического статуса (люди и не-люди, материальные, идеальные объекты и т.д.), обладающие имманентно присущей им агентностью,

конституируют социальность вообще и социальную темпоральность в частности. Таким образом, в диссертационном исследовании время определяется через аллюр и стремления к взаимодействию, напряжения объектов и их качеств, расщепленность, дискретность социальных сетей, включающих в себя людей и не-людей. Обоснование времени в качестве интеробъективного феномена позволяет говорить о возможности применения объектно-ориентированного подхода к исследованию темпоральности.

Вторая глава «Объекты и взаимодействия в современной онтологии» содержит в себе информацию об истоках и характерных чертах объектно-ориентированного подхода, а также исследование потенциала применения объектно-ориентированного подхода к осмыслению социальной темпоральности.

В первом параграфе «Истоки объектно-ориентированного подхода» с опорой на идеи классических философов, а также интуиции Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и современных французских феноменологов было исследовано изменение содержания концептов «сущность» и «субстанция», а также проанализирован осуществляемый философами поиск новых эпистемологических оснований, который через критику классической метафизики, выработку и апробацию феноменологического метода, осмысление техники как нового объекта затем привел к объектно-ориентированному подходу.

Сущность в классической философии долгое время отождествлялась с реальностью. Познание сущности было связано с познанием мира как он есть «на самом деле». Спор номиналистов и реалистов убрал «сущностный» фундамент из-под абстрактных понятий, скептицизм Д. Юма поставил под сомнение привычные гносеологические схемы. Дальнейший отказ от холизма, универсализма, присутствующего в философии на протяжении столетий, привел к переносу внимания на конкретные вещи, и призыв Гуссерля «Назад к вещам» приобрел, на первый взгляд, более простое, поверхностное, чем

изначально было у автора, значение, но за этим скрывался коренной переворот западной философской мысли.

От рационализма ради поиска истинных смыслов видимого («данного») мыслители перешли к самому видимому («видеть, только видеть»). Это представлялось одним из способов преодолеть «закольцованность» субъекта на собственном сознании. В отличие от английских эмпириков французские феноменологи шли не от опытов к выводам, а, скорее, от сознания к материи, находясь вне индуктивно-дедуктивных оппозиций. Изначальный замысел Гуссерля – прояснить бытие сущностей вообще – вполне удался, но для этого необходимо было отказаться от прежнего представления о сущностях. Однако если проект Гуссерля предполагал возврат к метафизике на новых основаниях, то французская феноменология критикует сами основания метафизики, стремясь к созданию собственного проекта. Развивая идеи Гуссерля, французские феноменологи призывают к выходу за границы субъективности, не концентрируясь при этом только на актах сознания. Истоки объектно-ориентированного подхода связаны также с анализом взаимодействий Г. Зиммелем и осмыслением бытия вещи М. Хайдеггером.

Во втором параграфе «Становление объектно-ориентированного подхода» автор обращается к взглядам Б. Латура и основоположника объектно-ориентированного подхода Г. Хармана, а также к идеям Л. Брайанта, М. Деланда, Р. Брасье, повлиявшим на становление объектных метафизик. Сравнение и выявление различий в схемах, предлагаемых вышеперечисленными авторами, позволило далее рассмотреть становление предлагаемого нами объектно-ориентированного подхода.

Показано, что в акторно-сетевой теории вещь становится субъектом, у Хармана человек трактуется в качестве объекта. Гетерогенность и одновременно постулируемая «демократия объектов» диктует необходимость обратиться к взаимодействиям, однако это не отменяет необходимости выработки строгих онтологических оснований. Можно предположить, что находящиеся во взаимодействии акторы Латура остаются друг для друга

непознаваемыми объектами. Харман подчеркивает, что автономность объекта не противоречит существованию перманентного напряжения между элементами реальности. Это не совпадает с некоторыми трактовками, принятыми в акторно-сетевой теории, но может вполне соответствовать «Исследованиям модусов существования» Латура. Становление объектно-ориентированного подхода строится не на преодолении субъектно-объектной парадигмы как разрыве между человеком и объектом, но умножении разрывов; разрывы между объектами рассматриваются, по мысли Л. Брайанта, как суть их отношений, то есть речь идет о различных акцентах, разрабатываемых в рамках одной метафизики.

Цель третьего параграфа «Сущность и специфика объектно-ориентированного подхода» – рассмотреть основные особенности объектно-ориентированного подхода, а также последствия новой роли объектов в современной метафизике.

На первом шаге были описаны метафизические аспекты рассматриваемого подхода и рассмотрены его основные эпистемологические следствия. Было показано, что объект, независимо от его природы (человек, не-человек, материальный/идеальный, природный/искусственный) оказывается в центре новой метафизики. В соответствии с объектно-ориентированным подходом он обладает агентностью, то есть, действует и сопротивляется действиям, направленным на него, а также непознаваем, способен к самоописанию. Следствием отказа от философии привилегированного (человеческого) доступа становится эпистемологическая парадигма, в соответствии с которой постулируется пассивность субъекта, отрицаются любые формы редукции, нивелируется онтологическое различие между человеком и не-человеком, признается агентность объектов; вместо дуализма природы-культуры предлагается единство мира в рамках одной онтологической плоскости. Таким образом, объектно-ориентированный подход позволяет говорить об объектах по ту сторону значений (аналитическая традиция) и отношений (реляционные онтологии); постулируя опору на объекты как

предельное онтологическое основание, он выступает как одно из проявлений современного номинализма. Отказ от дихотомии субъекта-объекта, людей и не-людей необходим для того, чтобы максимально нивелировать ошибки, которые связаны с мышлением человека. Это расширение возможностей языка описания за счет отказа от философии привилегированного доступа представляется эвристически продуктивным. Применение объектно-ориентированного подхода в качестве основы теоретико-методологической базы данной диссертации позволяет преодолеть чрезмерный актуализм акторно-сетевой теории, сохраняя трактовку объекта Г. Хармана, исключить возможные искажения, вызванные мышлением, и разнообразить описание окружающего мира. Это соответствует потребностям осмысления современного мира, в котором усиливается роль различных объектов.

В третьей главе «Социальная темпоральность: объекты и концепты» проанализированы возможности применения объектно-ориентированного подхода к исследованию социальной темпоральности, выявлены основные ее атрибуты, осмыслены проблемы измерения социального времени и предложены методы его измерения.

Первый параграф «Анализ возможностей применения объектно-ориентированного подхода к исследованию социальной темпоральности» посвящен истокам и основным особенностям трактовки социального как следствия взаимодействия различных объектов; кроме того, с учетом выработанной интерпретации социального рассматриваются взгляды на темпоральность Б. Латура и Г. Хармана, показаны их недостатки и проанализированы возможности преодоления этих недостатков с помощью выработанного выше объектно-ориентированного подхода.

Вслед за М. Деланда в данной работе отрицается эссенциалистское понимание социального, которое приводит к упрощающим трактовкам современных социальных процессов. Социальное объясняется как определяемый практиками тип связей, включающий в себя материальные и нематериальные объекты. Современное исследование социального времени

предполагает анализ и изучение определенных изменений, потенциал которых содержится как в самих объектах, так и в объектно-ориентированных трактовках причинности и возможности (замещающая причинность у Г. Хармана, представления о катализаторах М. Деланда). Избегая актуализма акторно-сетевой теории, автор тем не менее признает важность темпоральных факторов, так как любые взаимодействия происходят в определенный момент времени. Объектно-ориентированный подход позволяет связать социальное время с физическим в противовес существующему в рамках большинства теорий разделению сфер природы и общества. Эпистемологические задачи, поставленные в данной работе, обусловили обращение к реализму объектов, а не реализму времени. Признание объектов в качестве предельного онтологического основания позволяет анализировать социальную темпоральность как следствие отношений объектов и их стремление к взаимодействию. Это позволяет, сохраняя объектный характер времени, анализировать изменения как определенный образ, характерный для чувственной сферы, связывать социальное время с физическим, объяснять неравномерность времени особенностью распределения объектов. Это в целом продолжает направление исследования времени, которое заложил еще Г. Лейбниц (пространство и время выступают не отдельными сферами, а результатом действий объектов), однако сейчас мы говорим не о едином времени, а о его множественности, то есть существует столько времен, сколько есть сетей объектов.

Во втором параграфе «Две метафоры современной темпоральности: к перспективам нового языка описания» автор предпринимает попытки конструирования и апробации нового языка описания современной темпоральности.

В соответствии с объектно-ориентированной онтологией система современной темпоральности должна быть подчеркнута «несистемной», попытки жесткого структурирования будут, по замечанию Г. Хармана, аналогичны редуцированию объекта к его прагматичным эффектам или будут

тяготеть к холизму, что противоречит методологическим основам данной работы. Анализируемые в этом параграфе метафоры не исчерпывают, но «намекают» (термин Г. Хармана) на две важнейшие характеристики современной темпоральности: изменения модусов времени и множественную темпоральность. В диссертационном исследовании постулируется новый темпоральный режим, который пришел на смену линейному времени. В соответствии с объектно-ориентированным подходом причины этого режима связаны с ростом, увеличением числа объектов, а также связей между ними; он выступает следствием таких особенностей объектов, как их самореферентность, несводимость объектов к их качествам, непознаваемость. Этот режим выражается в трансформации линии прошлое-настоящее-будущее в «неориентируемую поверхность», где модусы переходят один в другой, а также во множественности социальной темпоральности, следствием которой оказывается кризис идентичности и контингентность происходящих изменений.

В параграфе исследованы изменения классических модусов времени (прошлое, настоящее, будущее) в условиях, когда линейное время становится временем Мебиуса. Обосновано, что лента Мебиуса показывает новую темпоральную ситуацию, в которой прошлое, настоящее и будущее вместо модусов линейного времени взаимно проникают друг друга, а каузальность оказывается нелинейной. Сложность в том, что при осмыслении времени Мебиуса используются категории, которые сложились и применялись в рамках линейной концепции и имеют соответствующее семантическое наполнение. Чтобы преодолеть это, исследователи говорят о релятивистском хронотопе (П. Вилирио), презентизме (Х. У. Гумбрехт, Ф. Арто), сокращении нашего пребывания в настоящем (Г. Люббе), виртуальном времени (М. Деланда) и т.д. Настоящее как недостаточно концептуализированное в классической философской традиции в условиях темпоральной трансформации оказывается центральной категорией, но с отличным от прежнего содержанием. Распространенное обращение к настоящему в различных современных теориях,

осмысляющих современную темпоральную трансформацию, оказывается отражением проблем языка описания. Прошое, в свою очередь, существует в настоящем, а не остается позади, настоящее начинает обладать длительностью, и именно там оказывается основная сфера возможностей. Из-за увеличения количества объектов такое настоящее быстро становится «будущим прошлым» (Х.У. Гумбрехт); особенно этот процесс ускорился после распространения дигитализации, в результате чего прошое все больше и сильнее проникает в настоящее.

Трактовка современной темпоральности как ленты Мебиуса позволяет отойти от распространенных линейных метафор и понять многие современные феномены, которые связаны с новой темпоральной трансформацией: политика памяти, ускорение, изменение места будущего и т.д.

Кроме того, в параграфераскрыта такая характеристика современной социальной темпоральности, как множественности времен. Выводятся истоки этой ситуации, современная ризомность обосновывается с позиции объектно-ориентированного подхода.

При анализе современной темпоральной трансформации речь идет не о каком-то едином, мировом социальном времени, а о множественности времен, определяемой множеством объектов. Современная объектность приводит к наличию некоей событийности, при этом события могут отсылать или нет друг к другу, поэтому оказывается невозможным говорить о законах, а только о траекториях (Б. Латур), ассмабляжах (М. Деланда). Множественность объектов не позволяет сохраняться линейному нарративу, способному соединить их без противоречий. Рассмотрены два следствия множественности времени: кризис идентичности современного человека и онтологический статус неопределенности, которая в новых условиях становится научной категорией и осмысляется в контексте контингентности. Отрицательными последствиями ризомности современной темпоральности оказывается то, что полиритмичность множественности времени, вызванная ростом и изменением объектов, все чаще

оборачивается аритмией. В этих условиях актуализируется необходимость синхронизации, конструирования одновременности.

В третьем параграфе «Способы измерения социального времени» показана необходимость измерения социального времени, проанализированы основные сложности, которые возникают при решении этой задачи (необходимость основания, которое могло бы выступить эталоном меры, оценочный характер сложившихся языковых конструкций; необходимость измерения того, частью чего является сам субъект измерения).

Измерение социального времени является одним из способов унификации и синхронизации жизни сообществ. Поэтому способы измерения социального времени часто выступают в качестве символического ресурса для различных акторов и коллективов. Несмотря на описанные сложности, можно констатировать, что возможность измерения социальной темпоральности в соответствии с объектно-ориентированным подходом обусловлена следующими факторами: 1) ее дискретным характером; 2) социальный порядок представляет собой порядок ожидания, то есть, мы можем говорить об определенной последовательности, которая поддается измерению; 3) последовательность обусловлена системой различений, которой обладает объект. Измерение социального времени связано не с тем, сколько времени прошло, а с тем, что произошло за это время. Можно спорить об онтологическом статусе социального времени, но не о реальности изменений, ощущаемых отдельными людьми или сообществами, в том числе через изменения предметного мира.

В параграфе рассматривается, во-первых, как способы и объекты, при помощи которых осуществлялось измерение времени, оказывали влияние на восприятие и проявление социальной темпоральности и, во-вторых, как социальные практики определили материальные способы измерения времени.

В соответствии с объектно-ориентированным подходом часы и календари представляют собой объекты, при помощи которых (системы различения, встроенные в них, их самореференции) увеличивалось соответствие

технических механизмов естественным циклам, повышалась синхронизация социальных практик. Часы, таким образом, исполняют роль посредников между миром и нашим знанием о нем. От использования гаджетов и разнообразных технических приспособлений зависит синхронизация темпоральных ритмов коллективов и социальный порядок вообще, а растущая точность часов требует от участников социального взаимодействия все большей пунктуальности. Само время часто мыслится через метафоры движущихся стрелок часов или смены дней в календаре. Технические объекты, таким образом, выступают в качестве «когнитивного артефакта» для социальной темпоральности. Социальные практики, в свою очередь, также влияют на измерение физического времени (например, переход на летнее/зимнее время, воскресенье как день отдыха и т.д.). Нельзя сказать, что время определяется часами или что темпоральность (или что-либо другое) определяет работу часов – имеет смысл только рассматривать весь контекст (сеть), участником которой является объект, измеряющий время.

Кроме того, в параграфе описаны представления об истории в Средние века и Новое время, с опорой на идеи Г. Зиммеля, П. Рикера, Д. Карра, а также переосмысление концептов «пространство опыта» и «горизонт ожиданий» Р. Козеллека обоснована возможность использования истории в качестве способа измерения социального времени.

Представление об истории как одном из способов измерения социального времени строится на Модерне как линейном проекте. Мы исходим из того, что сам человеческий опыт, в том числе опыт времени и прошлого, предполагает необходимость структуризации. Историк структурирует хаотичный социальный опыт, используя в нем то, что коррелирует с потребностями сегодняшнего дня, осваивая таким образом прошлое как «чужую страну» (Д. Лоуэнталь). Возможность использования истории в качестве способа измерения времени связана с тем, что историческое время признается линейным и необратимым. Исторический нарратив, выступая в качестве объекта, структурирует социальное время через собственную систему

различений. Однако история не может служить способом измерения социальной темпоральности в ситуации, когда время проявляет себя не как линейное и последовательное. В таком случае в качестве измерения социального времени используется событие и кризис.

В работе показаны условия использования категории «событие» в бессубъектной метафизике, а также проанализированы возможности применения «события» как способа измерения времени.

Событие оказывается возможным, так как социальная реальность носит дискретный характер. Дискретность обуславливает возможность определения начала и конца события, которое в системе измерения социального времени выступает в качестве закладки в воспринимаемом, как длящийся процесс социальной темпоральности. Для события характерна неразложимость его на составляющие элементы, детерминированность другими событиями; события определяются последствиями, то есть возможностью новой траектории темпоральности, и обязательно связаны с появлением новой нормативности. Событие в данной работе трактуется как мета-объект, обладающей неисчерпанностью, сингулярностью. В условиях отсутствия событий способом измерения социального времени может быть кризис как пауза, остановка. Если в случае события эта остановка связана с новым объектом (объектами), то кризис – это отсутствие событий как новых траекторий и новых объектов. История измеряет линейные траектории, событие и кризис определяют разрывы, паузы и выбор новых траекторий.

В четвертой главе «Социальные практики современной темпоральности» предпринимается анализ эвристических возможностей объектно-ориентированного подхода к осмыслению темпоральных аспектов отдельных социальных процессов.

В первом параграфе «Современность как исследовательская проблема» рассматривается современность как определенное состояние, заключающееся в постоянном обновлении, актуализации и саморефлексии;

анализируются различные значения понятия «современность», ее проявления и последствия, а также демонстрируется, в чем уникальность современности.

Современность – это не непрерывно длящееся «сейчас», а начавшаяся с изменения статуса объектов множественность времен. С позиции объектно-ориентированного подхода современность показана как следствие самореферентности объектов. Появление современности как определенного этоса, самосознания, связано с распространением объективизации, противопоставившей иерархии Модерна идею «демократии объектов». Основными характеристиками современности являются ее рефлексивность, инновационность, так как объект не может меняться, но могут появляться новые объекты. Саморефлексия как ключевой атрибут современности связана с новым местом и трактовками идентичности, вызванной множественностью времен, о которой было написано выше. Увеличение объектов и изменение их статуса позволяет понять современность как период объективизации идентичности. Современность является синонимом актуальности и осмысливается таким образом вне сравнительных категорий. Посредником для самопознания современности выступает постколониальный мир, а механизмом распространения становится глобализация. Современность противостоит не какому-либо периоду, а вечности.

Во втором параграфе «Ускорение и его последствия» описываются особенности современного ускорения, выявляются его причины и следствия; особое внимание уделяется анализу коммерциализации прошлого, в соответствии с которым память представляет собой продукт производства.

Инверсия времени, подробно рассмотренная ранее, оказывается источником для современного «бума памяти» и исследований практик социальной и культурной коммеморации. В соответствии с объектно-ориентированным подходом причиной ускорения является развитие технологий и появление новых объектов. Термин «ускорение» семантически связан с линейной концепцией времени, так как предполагает наличие той самой «стрелы времени», которая приводит к энтропии. Однако современное

ускорение протекает в условиях ризомы, когда вместо одной «стрелы» существуют множество траекторий, переходящих друг в друга. В этих условиях память заменяет место истории в качестве хранителя социального бэкграунда. Вместо линейности исторического повествования – множество воспоминаний, не историй, но образов прошлого. Новые объекты, появляющиеся чаще, чем прежние, стали привычными, приводят к тому, что мы постоянно теряем, несмотря на то, что не успеваем приобретать, поэтому потеря – это не факт, а ощущение, которое в силу его виртуальности нельзя осмыслить в рационалистических терминах Модерна. В этих условиях память становится динамичной и можно констатировать появление целой индустрии памяти. В соответствии с теорией компенсации ускорение повышает ценность памяти, однако в условиях перманентного ускорения образы прошлого, памяти, постоянно меняются – это позволяет говорить о динамике культурной памяти. Следствием ускорения в такой трактовке являются опредмечивание памяти, коммерциализация прошлого, появление «индустрии момента». Ускорение повышает интенсивность коммеморации (теория компенсации), однако мешает памяти.

В третьем параграфе «Политика памяти и структуризация социального времени» с позиции объектно-ориентированного подхода проанализированы способы согласования порядков времени с помощью политики памяти, осуществляемой в виде различных мероприятий, проводимых как государством, так и иными акторами.

Когда вместо «печатного капитализма» пришли электронные сети, необходимость навести «порядок времени» (Ф. Артог) привела к распространению практик политики памяти. Однако в условиях множественности времен государство не выдерживает конкуренции с другими акторами, претендующими на понимание прошлого. Если в соответствии с объектно-ориентированным подходом история представляет собой один из способов измерения времени, то политика памяти уже предполагает опору на новые объекты (например, «места памяти»). Пропагандируемая Л.

Брайантом «демократия объектов» позволяет нивелировать отрицательные последствия политики памяти.

В четвертом параграфе «Темпоральные аспекты модернизации» рассматривается феномен модернизации как проект линейного времени, а также осмысляется изменение процесса «осовремененения» в период темпоральной трансформации. В данном параграфе модернизация трактуется как реализация целей и задач проекта Модерн. В условиях трансформации Модерна использование этого понятия может носить репрессивный характер, особенно в политическом дискурсе, так как современность в этой трактовке предполагает наличие «отсталости». Модернизация остается, но адаптируется под трансформации фундаментальных онтологических категорий.

В пятом параграфе «Проблема осмысления будущего в условиях темпоральной трансформации» анализируется изменение статуса будущего. Прогресс разделил судьбу других метанарративов, вместо него – серфинг по траекториям. Смена ценностных стадий — природная, рыночная, структурная — остановилась в данный момент на фрактальной. В условиях отсутствия общепринятых ценностей сложно строить долгосрочные перспективные проекты. Утраченная линейность времени разрушила преемственность оригинала и копии, став материалом для многочисленных симулякров; вне линейного детерминизма будущее перестает определяться экстраполяцией. Приоритет «сейчас» лишает будущее ценности. Однако событие не только приводит к непредсказуемости будущего, но и позволяет связать его с новой онтологией вне линейной каузальности. Вместо утопии, антиутопии, будущее становится открытым проектом, процессом без прогресса. Это можно трактовать как новую онтологию будущего, не ограниченного линейным детерминизмом. Однако непрямая каузальность позволяет анализировать будущее через категории контингентности, а не хаоса.

Таким образом, доминирующей парадигмой в современных социальных исследованиях является конструктивистская парадигма, в соответствии с которой утверждается, что любая познавательная активность представляет

собой конструирование, то есть создание определенной интерпретационной модели мира, аспекты которой зависят от различных особенностей познающего субъекта, то есть социальный конструктивизм в определенной степени абсолютизирует взгляд наблюдателя (субъекта). Однако такая позиция затрудняет изучение феноменов, частью которых является сам наблюдатель. Отрицание конструктивизмом возможности познания предельных онтологических оснований мешает исследовательской оптике, необходимой для создания эвристичной концепции социального времени, поскольку приводит к тому, что предметом осмысления оказывается не время, а социальные практики, институты и так далее, определяющие время, что не соответствует критериям философского знания. В свою очередь, многочисленные исследования темпоральных аспектов каких-либо социальных явлений, феноменов, распространенные в современных работах представителей конструктивизма, предполагают наличие дефиниции социального времени, которая используется авторами, но не концептуализируется, что приводит к ошибочным выводам и недостаточно верифицированным результатам. Распространенное в классических философских подходах представление о времени как составляющей части космологии мешает исследованию социальных аспектов темпоральности, а опора на специфически понятую темпоральность в построениях постклассических философов не отвечает потребностям в эвристически продуктивной теории социального времени, так как не позволяет осмыслять время независимо от социальных процессов, функцией которых оно представляется.

Продуктивным способом решения указанных выше проблем может стать объектно-ориентированный подход. Преимущество данного подхода заключается в том, что он обеспечивает наличие фундаментальных онтологических оснований, позволяющих нивелировать возможные искажения взгляда наблюдателя и сведения времени к аспектам социальных практик (постулируемого в социальном конструктивизме). Трактовка времени как интеробъективного феномена, предпринятая в соответствии с объектно-

ориентируемым подходом, позволяет концептуализировать социальную темпоральность с учетом не только человеческих (как в случае интерсубъективной интерпретации), но и нечеловеческих акторов, следствием чего является расширение возможностей языка описания социальной реальности и предметного поля исследования социального времени вообще. Тем самым данный подход открывает возможности создания эвристически продуктивной системы социальной темпоральности, на основании которой можно осуществлять анализ темпоральных аспектов социальных процессов (модернизация, коммеморативные практики, политика памяти), а также таких атрибутов современной социальной темпоральности, как ускорение, нелинейность, множественность времен, разрабатывать и верифицировать разнообразные методы и модели измерения социального времени.

Перспективным представляется исследование других социальных феноменов при помощи объектно-ориентированного подхода, а также применение результатов этой работы для дальнейшего изучения социальных практик и различных аспектов социальной динамики.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы, обозначаются выводы, намечаются некоторые перспективы дальнейших направлений исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Головашина, О.В. Короткая память: представления о прошлом в условиях современной темпоральной трансформации / О.В. Головашина – Тамбов, 2017. – 118 с. [5п.л.].
2. Философия времени / Орлов М. О., Устьянцев В. Б., Козин Н. Г. и др. // Саратов: Издательство СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2016. – 216 с. [6 п.л./1 п.л.].
3. Социальная онтология культуры / Аникин Д. А., Антонюк Е. Ю., Богатов М. А. и др.; под общей редакцией Е. В. Листвиной, О. В. Шиндиной // Саратов: Издательство СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2018. – 196 с. [6,5п.л./0,7 п.л.].
4. Головашина, О.В. От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени / О.В. Головашина. – М.: Аквилон, 2019. – 334 с. [16п.л.].

Научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

5. Головашина, О.В. Феномен модернизации и трансформации социального времени / О.В. Головашина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 11. – С. 269 – 276 [0,7 п.л.].
6. Головашина, О.В. Память, опыт и современный этап модернизации в России / О.В. Головашина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 12. – С. 382 – 390 [0,8 п.л.].
7. Головашина, О.В. Российский модернизационный метопроjekt: между утопией и традицией / О.В. Головашина // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 9 (055). – С. 169 – 175 [0,6 п.л.].
8. Головашина, О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти россиян / О.В. Головашина // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11. – С. 193 – 198 [0,7 п.л.].
9. Головашина, О.В. Проект Модерн и специфика российского

Просвещения / О.В. Головашина // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 9. – С. 190 – 197 [0,6 п.л.].

10. Головашина, О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности / О.В. Головашина // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 64 – 71 [0,7 п.л.] (Wos, Scopus).

11. Головашина, О.В. Социальная память как способ овладения временем / О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 92 – 96 [0,6 п.л.] (Wos).

12. Головашина, О.В. Трансформация опыта предыдущих поколений и проблема идентичности / О.В. Головашина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 249 – 253 [0,6 п.л.].

13. Головашина, О.В. Феноменология времени и темпоральность жизненного мира (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) / О.В. Головашина // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 9. – С. 139 – 152 [0,6 п.л.].

14. Головашина, О.В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем / О.В. Головашина // Философия и общество. – 2016. – № 3 (80). – С. 42 – 56 [0,7 п.л.].

15. Головашина, О.В. (Бес)порядок времени и политика памяти / О.В. Головашина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 4. – С. 199 – 206 [0,6 п.л.].

16. Головашина, О.В. Политика памяти в условиях «времени Мебиуса» / О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 63 – 70 [0,7 п.л.] (Wos).

17. Головашина, О.В. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований / В.Н. Сыров, О.В. Головашина, А.А. Линченко // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 135 – 143 [0,9 п.л./0,3 п.л.] (Wos).

18. Головашина, О.В. Память о Великой Отечественной войне: День

победы в историческом сознании россиян / О.В. Головашина, А.А. Линченко, Д.А. Аникин // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 123 – 133. [0,9 п.л./0,4п.л.] (Wos, Scopus).

19. Головашина, О.В. Проблема постнациональной идентичности: к историографии вопроса / А.А. Линченко, В.Н. Сыров, О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 79 – 85. [0,9 п.л./0,3п.л.] (Wos).

20. Головашина, О.В. «Разменивая прошлое: историческая память, деньги и национальная идентичность в Российской империи и Центральной Европе во второй половине XIX – начале XX века / О.В. Головашина, А.А. Линченко // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 46 (4). – С. 1433 – 1442 [1,2 п.л./0,7п.л.] (Wos, Scopus).

21. Головашина, О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования / Д.А. Аникин, О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 78 – 84 [0,8 п.л./0,4п.л.] (Wos).

22. Головашина, О.В. Саморганизованная критичность акторно-сетевой теории / О.В. Головашина // Философия и культура. – 2017. – № 7. – С. 23 – 31 [0,7 п.л.].

23. Головашина, О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана / О.В. Головашина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 1. – № 34. – С. 4 – 16 [1,1 п.л.] (Wos).

24. Головашина, О.В. Динамика культурной памяти как предмет исследования: подходы и решения / О.В. Головашина, А.А. Линченко, Д.А. Аникин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23. – № 174. – С. 191 – 202 [1 п.л./ 0,4п.л.].

25. Головашина, О.В. Эвристические возможности нового реализма / О.В. Головашина // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 9. – С. 200 – 211 [0,7 п.л.].

26. Головашина, О.В. Человек путешествующий: прошлое как

символический ресурс и идентификационные риски / О.В. Головашина // *Философия и культура*. – 2018. – № 5 (125). – С. 39 – 45 [0,7 п.л.].

27. Головашина, О.В. Неожиданные издержки победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания / О.В. Головашина, Д.А. Аникин // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 429. – С. 66 – 73 [0,9 п.л./0,45п.л.] (Wos).

28. Головашина, О.В. Историческая память в религиозных движениях: взгляд российских исследователей / О.В. Головашина // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2018. – Т. 23. – № 175. – С. 141 – 148 [0,8 п.л.].

39. Головашина, О.В. «И значит нам нужна одна Победа...». Память о Победе в советской и российской школах / А.А. Линченко, О.В. Головашина // *Диалоги со временем*. – 2019. – № 67. – С. 99 – 113 [1 п.л./0,5п.л.] (Wos, Scopus).

30. Головашина, О.В. «Русские» в Европе: память о прошлом, идентичность и историческое сознание русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе / А.А. Линченко, О.В. Головашина // *Вестник Томского государственного университета*. – 2019. – № 444. – С. 83 – 92 [0,9 п.л./0,45п.л.] (Wos).

31. Головашина, О.В. От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире / А.А. Линченко, О.В. Головашина, Д.А. Аникин // *Вопросы философии*. – 2019. – № 5. – С. 49 – 58 [0,9 п.л./ 0,3п.л.] (Wos, Scopus).

Статьи и тезисы по теме диссертации в других изданиях

32. Головашина, О.В. Национальная идентичность: базовая модель / О.В. Головашина // *FractalSimulation. Бюллетень Центра фрактального моделирования*. – 2011. – Вып. 2. – С. 64 – 73 [0,7 п.л.].

33. Головашина, О.В. Русские не хотят становиться россиянами: перспективы формирования государственной нации в России / О.В. Головашина // *Ineternum. Общественная прогностика о будущем для*

настоящего. – 2011. – Вып. 1 (4). – С. 36 – 42 [0,5 п.л.].

34. Головашина, О.В. Модернизация – незавершенный проект или традиционная ментальность в современной России / О.В. Головашина // Ineternum. Общественная прогностика о будущем для настоящего. – 2011. – Вып. 2 (5). – С. 56 – 62 [0,5 п.л.].

35. Головашина, О.В. Народность и нация в концепции С.С. Уварова / О.В. Головашина // Философские традиции России и современность. Материалы международной научной конференции. 18 ноября 2011 года. – Тамбов, 2012. – С. 179 – 183 [0,4 п.л.].

36. Головашина, О.В. Историческая память и модернизация в России / О.В. Головашина // XVII Державинские чтения. Академия гуманитарного и социального образования: материалы Общероссийской научной конференции. Февраль 2012. – Тамбов, 2012. – С. 351 – 357 [0,45 п.л.].

37. Головашина, О.В. Либерализм и модернизация в России / О.В. Головашина // Materiály VIII mezinárodnívědecko – praktickáconference «Dnyvědy – 2012». – Díl 52. Filosofie: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o Pp. 35 – 38 [0,3 п.л.].

38. Головашина, О.В. Модель времени в традиционной культуре / О.В. Головашина // FractalSimulation. Бюллетень Центра фрактального моделирования. 2012. – Вып. 1 (3). – С. 67 – 74 [0,6 п.л.].

39. Головашина, О.В. Модернизация как европейский проект: линейная модель времени и трансформации социально-экономической системы / О.В. Головашина // FractalSimulation. Бюллетень Центра фрактального моделирования. – 2012. – Вып. 2 (4). – С. 36 – 44 [0,6 п.л.].

40. Головашина, О.В. Вместо дела. Политический дискурс о модернизации / О.В. Головашина // Ineternum. Общественная прогностика о будущем для настоящего. – 2012. – Вып. 1(6). – С. 36 – 44 [0,6 п.л.].

41. Головашина, О.В. Темпоральные аспекты русской традиционной культуры (На материале пословиц и поговорок) / О.В. Головашина // Ineternum. – 2012. – Вып. 2 (7). – С. 60 – 68 [0,8 п.л.].

42. Головашина, О.В. Проблематика памяти и развитие «memorystudies» / О.В. Головашина // Философские традиции и современность. – 2012. – № 2. – С. 110 – 120 [0,8 п.л.].

43. Головашина, О.В. Социальное время и модернизация в России / О.В. Головашина // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. – Т. III. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – С. 192 [0,05 п.л.].

44. Головашина, О.В. Традиция в дискурсе о модернизации / О.В. Головашина // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – С. 446 – 451 [0,4 п.л.].

45. Головашина, О.В. Формирование линейной модели времени и феномен модернизации / О.В. Головашина // Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции 23 ноября 2012 года / отв. ред.: Н.В. Медведев, Н.М. Аверин. Тамбов, 2013. – С. 128 – 132 [0,4 п.л.].

46. Головашина, О.В. Историческая память на современном этапе социокультурной трансформации / О.В. Головашина // Ineternum. – 2013. – № 1. (8). – С. 47 – 56 [0,9 п.л.].

47. Головашина, О.В. Гражданин и государство в Советском Союзе. Лингво-когнитивное моделирование / О.В. Головашина // Fractalsimulation. – 2013. – № 1. – С. 41 – 55 [1,0 п.л.].

48. Головашина, О.В. Проблема памяти и современная трансформация темпоральных представлений / О.В. Головашина // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 116 – 127 [1,0 п.л.].

49. Головашина, О.В. Образ семьи и трансляция опыта предыдущих поколений в 1924 – 1933 гг. (по материалам журнала «Мурзилка») /

О.В. Головашина // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Международной научной конференции. 20–23 ноября 2013 года / отв. ред.: Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – Т. 2. – С. 431 – 435 [0,4 п.л.].

50. Головашина, О.В. Время в представлениях русских крестьян (на материале пословиц и поговорок) / О.В. Головашина // Культурно-исторические процессы и явления. – 2013. – № 7. – С. 23 – 27 [0,5 п.л.].

51. Головашина, О.В. Проблема субъекта модернизации в России / О.В. Головашина // Ineternum. – 2013. – № 1 (8). – С. 33 – 46 [0,7 п.л.].

52. Головашина, О.В. «Любители истории» и история для любителей: представления о прошлом в социальных сетях / О.В. Головашина // Философские традиции и современность. – 2014. – № 1. – С. 114 – 123 [0,7 п.л.].

53. Головашина, О.В. Представления о прошлом современных россиян (на примере исторических сообществ сети «ВКонтакте») / О.В. Головашина // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сборник статей международной научной конференции. – Липецк-Тамбов: Изд-во Першина Р.В. – 2014. – С. 109 – 115 [0,5 п.л.].

54. Головашина, О.В. Короткая память, или есть ли настоящее у истории / О.В. Головашина // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014 / Сост. О.Б. Христофорова, Д.И. Антонов, М.В. Ахметова, Н.В. Петров. – М.: РГГУ, 2014. – С. 46 – 50 [0,3 п.л.].

55. Головашина, О.В. Революция 1917: история образа / О.В. Головашина // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность: материалы Международной научной конференции 20–21 ноября 2014 года / отв. ред.: Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 87 – 94 [0,6 п.л.].

56. Головашина, О.В. Президент, инопланетяне и Бог – кто же нами

управляет? / О.В. Головашина // Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев, Н.Н. Рычкова. – М.: РГГУ, 2015. – С. 36 – 39 [0,5 п.л.].

57. Головашина, О.В. Будет ли будущее у прошлого? Эмпирическое исследование фактологических знаний молодежи / О.В. Головашина // Ineternum. – 2014. – № 1. – С. 7 – 17 [0,6 п.л.].

58. Головашина, О.В. «Сверяем часы». Проблема синхронизации времени в глобализирующемся обществе / О.В. Головашина // Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций: сборник статей международной научной конференции. – СаратовИЦ «Наука», 2015. – С. 131 – 135 [0,6 п.л.].

59. Головашина, О.В. «Изобретающее воспоминание»: образ СССР в коммуникативной памяти первого постсоветского поколения / О.В. Головашина // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем: сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. – Липецк. 24–26 сентября 2015 года. – Липецк – Тамбов: Изд-во Першина Р.В. – 2015. – С. 250 – 256 [0,5 п.л.].

60. Головашина, О.В. Нация после империи: конструирование новой идентичности в России и Австрии 1918–1938 гг. / О.В. Головашина // Конфликтогенный потенциал национальных теорий. – Казань: Юневерсум, 2015. – С. 58 – 68 [0,7 п.л.].

61. Головашина, О.В. Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов) / О.В. Головашина // Ineternum. – 2015. – С. 13 – 31 [1,0 п.л.].

62. Головашина, О.В. Сколько стоит прошлое? Индустрия памяти и кризис идентичности / О.В. Головашина // Философские традиции и современность. – 2015. – № 2. – С. 17 – 24 [0,6 п.л.].

63. Головашина, О.В. История и истории / О.В. Головашина //

Философия и методология истории. Сб. научных статей VI Всероссийской научной конференции, Коломна, 27–28 ноября 2015 года / Отв. редактор С.Г. Калашников. – Коломна: ГСГУ, 2015. – С. 42 – 47 [0,4 п.л.].

64. Головашина, О.В. Октябрьская революция в советском нарративе: история образа и образ истории / О.В. Головашина // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. – Москва – Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиАУрО РАН, 2015. – С. 124 [0,05 п.л.].

65. Головашина, О.В. Карфаген должен быть продан: идентификационные риски презентации прошлого / О.В. Головашина // Культурная память и современные проблемы философии культуры. Сборник статей международной научной конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – С. 22 – 26 [0,7 п.л.].

66. Головашина, О.В. Объективная целостность? Подход ГрэмаХармана / О.В. Головашина // Принцип целостности в современной философии: теоретико-методологические основания и исследовательские практики. Сборник статей и тезисов докладов всероссийской научной конференции с международным участием. 17–18 ноября 2016 года, г. Липецк / под. ред. И.П. Поляковой, А.А. Линченко. – Липецк: НОУ ВО «ЛЭГИ», 2016. – С. 54 – 57 [0,3 п.л.].

67. Головашина, О.В. Прошлое как ресурс в дискурсе современности / О.В. Головашина // Этика и история философии. II международная конференция. 18 ноября 2016 г. – Тамбов, Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016. – С. 20 – 23 [0,2 п.л.].

68. Головашина, О.В. Коммерциализация времени: цена и ценность момента / О.В. Головашина // FractalSimulation. Бюллетень Центра фрактального моделирования. – 2016. – Вып. 1. – С. 25 – 34 [0,9 п.л.].

69. Головашина, О.В. Прошлое как ресурс: идентификационные риски / О.В. Головашина // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Сборник статей международной научной конференции. – М:Аквилон, 2016. – С. 99 – 101 [0,3 п.л.].

70. Головашина, О.В. Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик / О.В. Головашина // *StudiaHumanitatis*. – 2017. – № 1. – С. 21 [0,5 п.л.].

71. Головашина, О.В. Исторический нарратив и проблема измерения социального времени / О.В. Головашина // *Философия и методология истории: сб. науч. Ст. VII Всероссийской научной конференции, Коломна, 27–28 апреля 2017 г.* – Коломна: ГСГУ, 2017. – С. 47 – 52 [0,4 п.л.].

72. Головашина, О.В. Измерение социального времени как политический проект / О.В. Головашина // *Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров. Сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове: ИЦ «Наука», 2017.* – С. 35 – 39 [0,4 п.л.].

73. Головашина, О.В. Социальное время: от объектов к концептам / О.В. Головашина // *Вояджер: мир и человек.* – 2017. – № 9. – С. 141 – 147 [0,4 п.л.].

74. Головашина, О.В. Как навести «порядок времени»? особенности современной политики памяти / О.В. Головашина // *Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации / Под ред. А.А. Линченко. Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции.* – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 38 – 43 [0,4 п.л.].

75. Головашина, О.В. Непрогрессивное завтра. Есть ли будущее? / О.В. Головашина // *Философская методология и научное познание: материалы Международной научной конференции. 17 ноября 2017 года / отв. ред.: Н.В. Медведев, А.Н. Алленов, Е.Е. Медведева.* – Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2017. – С. 24 – 28 [0,3 п.л.].

76. Головашина, О.В. Победа образа в государственной политике памяти: символические ресурсы и идентификационные риски / О.В. Головашина // *XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова.* – Москва; Ижевск: ИЭА

РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 250 [0,05 п.л.].

77. Головашина, О.В. Культурная память и стратегии интеграции участников Программы переселения соотечественников / О.В. Головашина // Антропологии интердисциплинарности // Тезисы международной научной конференции «Второй Томский антропологический форум». – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. – С. 74 – 75 [0,1 п.л.].

78. Головашина, О.В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс / О.В. Головашина // *StudiaHumanitatis*. – 2018. – № 4. – С. 23. [0,6 п.л.]

79. Головашина, О.В. Traumastudies: постановка проблемы и общая характеристика темпорального подхода к исследованию травм // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / Под ред. В.Н. Сырова: Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2018. – С. 44 – 48 [0,7 п.л.].

80. Головашина, О.В. Миграции как вызовы культурной памяти россиян / О.В. Головашина, К.С. Кунавин // *StudiaHumanitatis*. – 2018. – № 1. – С. 24 [общее колич. п.л./0,55 п.л.].

81. Golovashina, O. «With tears upon our eyes?»: Commemorations of Victory Day in the Great Patriotic War in the school practice in the Soviet Union and Russia / A. Linchenko, O. Golovashina // *Journal of Social Science Education*. – Vol. 18. – Issue 1. – Fall 2019 [1,1 п.л./0,55п.л.] (Scopus).

82. Головашина, О.В. Модели интеграции украинских мигрантов в условиях конфликта исторических нарративов / О.В. Головашина // *Przeglądwschodnioeuropejski*. – 2019. – No X/2. – С. 161 – 168 [0,7 п.л.] (Scopus).